

Э.М. Жиякова, И.Б. Корнильцева
Томский государственный университет (Россия, Томск)

ПУТЕШЕСТВИЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО ПО ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ

В апреле – мае 1862 г. А.Н. Островский вместе с двумя близкими друзьями – М.Ф. Шишко (магистр химии, заведующий освещением петербургских театров) и И.Ф. Горбуновым (мастер устного рассказа, актер и писатель) – предпринял путешествие по Европе. Материалом для изучения вопроса об этом путешествии служат дневники и письма драматурга, а также дневники, письма, заметки и произведения Горбунова. Путешествия писателя по России и Европе описаны в работе С.В. Максимова «А.Н. Островский (по моим воспоминаниям)»¹. Ценность исследования Максимова состоит в том, что автор приводит многочисленные отрывки из дневника Островского, в ту пору еще не опубликованного, дает развернутую характеристику спутникам драматурга – Шишко и Горбунову, а также предпринимает опыт систематизации заграничных впечатлений Островского. К материалу о путешествии драматурга в Европу как важному моменту в жизни и творчестве писателя выборочно обращались авторы биографий драматурга, исследователи творчества писателя.

До 1862 г. драматург совершил целую серию путешествий по России². Судя по дневниковым записям, к заграничной поездке определился круг интересов и своеобразие манеры тревелога Островского-путешественника. Но характер именно европейского путешествия отложил свой отпечаток и особенно отчетливо выявил некоторые черты личности и мировосприятия Островского.

Встреча с Европой одного из ярких представителей русской разночинной интеллигенции, известного писателя-драматурга с вполне сложившейся системой общественных, нравственных и эстетических взглядов произошла в 1862 г. Пристальное внимание к жизни Европы и характер ее восприятия Островским были во многом обусловлены исключительной важностью проблемы национального характера – культуры, ис-

¹ *Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский: (По моим воспоминаниям) // Русская мысль. 1897. № 5. С. 1–39.

² В 1845 г. Островский предпринял путешествие от Москвы до Нижнего Новгорода, в 1848 – до Щельково Костромской губернии, в 1856 г. состоялась экспедиция по Волге от истоков до Нижнего Новгорода, в 1860 г. – поездка в Крым вместе с А.Е. Мартыновым.

тории, человека – для его творчества. Эта проблема, резко обозначенная и демонстративно воплощенная в идеализации патриархального быта в комедиях москвитянинского периода, позже была скорректирована отказом от славянофильской концепции, актуализацией социальных и демократических требований времени, но осталась ключевой в решении вопросов быта, психологии, культуры, в художественных принципах типизации на протяжении всего творчества писателя. Проблема национального своеобразия, неразрывно связанная у Островского с идеей утверждения значимости русской культуры, истории и самого национального быта, приобретала особую актуальность в ходе знакомства его с другими нациями и определяла угол зрения писателя, сам принцип видения, проявившийся наиболее ярко в двух ведущих тенденциях – в эпически-спокойном, внимательно-заинтересованном наблюдении европейской жизни в ее различных проявлениях и в постоянном сравнении, соотношении увиденного с русским.

Вместе с тем следует заметить, что тональность записей, оценок на протяжении дневника неоднородна. Европа в восприятии драматурга, судя по дневнику и письмам, поделилась на две части: одна Европа была представлена Германией, Австрией, Францией и Англией – развитыми передовыми странами, традиционно рассматриваемыми в России как Запад, а другая – Италией, описанной Островским в несколько отличном тоне и стиле.

По Германии (включая Пруссию) путешествие продолжалось с 5/17 по 17/29 апреля. Началось оно с Кенигсберга, Stalloponu («Шталопенска»), Мариенбурга, а затем продолжилось посещением Берлина, Майнца, плаванием по Рейну, поездками во Франкфурт-на-Майне, Дрезден, Лейпциг, Мейсен.

В жизни Германии (как и других европейских стран) Островского интересуют прежде всего пять аспектов.

I. Большое место в ежедневных записях Островского занимают впечатления от нового местопребывания – больших и малых городов, картин природы. Многие записи начинаются с характеристики архитектурных ансамблей, улиц, мест, связанных с историей.

Так, 6/18 апреля по поводу Мариенбурга он записывает:

Мариенбург очень древний и очень оригинальный город со старинным замком 1-й (Hochschloss), возобновленный в 1335 г., в замке старинная церковь, 2-й Mittelschloss, построенный в 1351 г., был резиденцией великих магистров тевтонского ордена. Здесь очень замечателен мост через рукав Вислы. Но великолепнейший мост, с которым ничто не может сравниться, это в Диршау через Вислу, 380 сажен длины¹.

¹ Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М., 1987. Т. 10. С. 382. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

14/26 апреля о Франкфурте-на-Майне:

Мы взяли извозчика, и он возил нас по замечательным местам города, мимо памятников Геге и Гутенбергу, завозил в какое-то маленькое здание, где показывают статую Ариадны. При красном освещении вещь восхитительная. Проехали по шоссе, окружающему Старый город, по одну сторону шоссе и во все протяжение тянется роскошнейший сад, разбитый на месте бывшего крепостного вала и рва. За шоссе новый город, или, лучше сказать, банкирские изящные дворцы, утонувшие в роскошных садах, наполненных редкими цветами и деревьями. Перпендикулярно к саду идет другое шоссе, обсаженное с обеих сторон цветущими каштанами и такими большими, что ветви их почти срослись и дают прохладу и тень для едущих и гуляющих. На этом шоссе дом царя банкиров Ротшильда и зоологический сад (10, 386).

В ряду достопримечательностей города Островский особо выделяет музеи, в которых хранятся шедевры мирового искусства: живопись, скульптура и памятники истории:

11/23 апреля [Берлин]. Смотрели музей (хуже нашего Эрмитажа). Из отличных вещей Рубенс и Ван-Дейк, Рафаэля очень мало, богатое собрание итальянской школы (много дряни). Скульптура богата, но все больше сленки и починка. На стенах виды Греции – прекрасная и полезная вещь (10, 384).

12/24 апреля [Магдебург]. Смотрели Ивановскую кирку. Высота, все пахнет стариной, отличный орган. Потом смотрели *Dom Kirche*, нам ее показывала девушка, которую мы нашли в каких-то склепах с могильными плитами в жилище сторожа. Хорош бронзовый Архиепископ, гробницы Оттона I и его жены, по стенам скульптурные изображения; хороша из алебастру скульптурная кафедра; вообще собор величествен как изнутри, так и снаружи (10, 385).

Островский неустанно сравнивает увиденное с русским. Интенция «склонения на русские нравы» (что позже проявится в его русифицированных переделках двух итальянских комедий) прослеживается в дневниковом описании путешествия, где лейтмотивом проходит сравнение немецких (а потом и итальянских) бытовых и культурных реалий с русскими. 6/18 апреля, заметив из вагона поезда в Браунгофе первую аспидную крышу, Островский пишет:

<...> Легкость и красота. По сторонам виды, если не обращать внимания на строения, совершенно такие же, как в средней полосе России (10, 382).

Приехав в Берлин и увидев знаменитую *Unter den Linden*, драматург в дневнике 7/19 апреля замечает:

Улица «Под липами» нечто среднее между Тверским бульваром и Невским проспектом, весь Берлин есть помесь старого немецкого города с Петербургом, только дома лучше петербургских.

По поводу сада Люстергартен пишет 8/20 апреля: «Очень плохонький сад, хорош только фонтан. Большой дворец вроде нашего Зимнего» (10, 383).

Нередко Островский не скрывает чувства зависти и горечи при виде успехов европейской цивилизации. 6/18 апреля он пишет:

Из Шталопенска поехали в 10 3/4 в удобных прусских вагонах, которые гораздо лучше русских и совершенно без тряски. Поля кой-где зеленеют, пахано загонами; местность ровная, большею частью песчаная. Поля возделаны превосходно, уважены сплошь, деревни все каменные и выстроены чисто, на всем довольство. Боже мой! Когда-то мы этогождеждем! (10, 381).

Рассматривая из окна вагона грозную крепость, окружающую Мангейм, а также городской сад, стройку нового моста, Островский восклицает: «Как здесь все солидно делают!» (10, 387).

II. Предметом особого внимания является театр. Так, во время пребывания в Берлине Островский и его спутники каждый вечер посещали спектакли, и в дневнике запечатлены отклики на игру актеров, замечания об организации театрального дела, и все это, как правило, в сравнении с русским театром:

8/20 апреля. Потом смотрели «Трубадура». Декорации, постановка, оркестр и выполнение совершенно увлекают. Здесь опера исполняется, как классический квартет. Кабы нам сколько-нибудь порядочное управление театрами, можно бы делать дело (10, 383).

9/21 апреля. Вечером в театр, видели балет (Ellinor), смыслу в нем никакого, но постановка бесподобная, особенно карнавал и панорама Неаполя. Танцовщицы велики и тяжелы, скромность в юбках необыкновенная (10, 383).

10/22 апреля. Вечером были в театре Виктория, давали «Альпийского короля», мы не досмотрели представления; но как здесь все стараются! Немецкий комизм надобно прежде понять умом, а потом уж смешно станет (10, 384).

11/23 апреля. Вечером мы с восторгом устремились в театр, давали «Дон-Жуана»; но не сбылись мои ожидания, певцы были очень плохие; впрочем, несмотря на это, все-таки много было прекрасного (10, 384).

III. Стилевая особенность дневника Островского заключается в его своеобразном сентиментально-поэтическом колорите. Весь текст дневника пронизан лирическими рефлексиями по поводу природы. Островский оказался чрезвычайно чутким к разнообразию проявления жизни природы. Он пишет о деревьях и цветах, горах и полях, особенно о весенних запахах. Обостренное восприятие аромата природы, по словам самого драматурга, было его отличительной чертой. В дневнике 13/25 апреля, при подъезде к Франкфурту-на-Майне, Островский записал:

Подъезжаем к станции при газовом освещении, видны какие-то большие деревья, все в белых цветах. Благоухание! Но в этом благоухании есть

какая-то тоненькая струя запаха, которая преследовала меня в России от Пёсла до Одессы и в Одессе с 1 по 15 июля. Другие не слышат этого запаха, но меня он мучит (10, 386).

В записи от 12/24 апреля (Магдебург) Островский, восхищаясь весенней зеленью, погодой, маленьким «прудком с фонтаном» в Потсдаме, делает важное признание, имеющее прямое отношение к эстетике драматурга, ориентированной на красоту обыкновенного, чуждающаяся всего чрезмерного и вычурного: «Я не люблю смотреть дворцов, меня что-то жмет» (10, 384). В своих записях он отметит цветущую в Марбурге черемуху, запишет, что в горах около Касселя во время остановки из-за поломки трубки в котле паровоза он «на память сорвал листок мать-мачехи (это горы Гарца)» (10, 385).

Более всего драматурга чарует природа в ее неяркой, скромной красоте, напоминающей русскую природу. Так, попав в Лейпциг, Островский записывает 17/29 апреля:

Лейпцигская природа и станции победнее, зелени меньше, много березы, сосновые рощи; кабы не тополи, совсем наша Владимирская губерния (10, 385).

В этом обостренном чувстве красоты природы сквозит задушевность, чувствительность личности Островского, обусловившая и во многом объясняющая его предрасположенность к сентиментально-гуманному мировосприятию¹. Способность Островского видеть красоту, неповторимость и одновременно сходство европейской и русской природы оказалась натурфилософской основой его широкого гуманизма, позволявшего понимать и признавать национальное своеобразие и значимость каждого народа, его истории и культуры.

¹ Находясь в Щельково, Островский записывает 4 мая (1848 г.):

«Я начинаю чувствовать деревню. У нас зацвела черемуха, которой очень много подле дома, и восхитительный запах ее как-то короче знакомит меня с природой – это русский fleur d'orange [померанец]. Я по несколько часов упииваюсь благовонным воздухом сада. И тогда мне природа делается понятней, все мельчайшие подробности, которых бы прежде не заметил или считал бы лишними, теперь оживляются и просят воспроизведения. Каждый пригорок, каждая сосна, каждый изгиб речки – очаровательны, каждая мужицкая физиономия значительна (я пошлых не видал еще), и все это ждет кисти, ждет жизни от творческого духа. Здесь все вопиет о воспроизведении, а больше всего восхитительные овраги подле дома, перед которыми чортов овраг в Нескучном саду очень незначителен, и живописные берега речки Сендеги, которым я не могу найти и сравнения. Первое и самое сильное чувство, которое производят на меня эти красоты природы, для меня болезненно, мне тяжело, мне надобно облегчить свою грудь, надобно поделиться с кем-нибудь этими неотступными впечатлениями, которые лезут в душу со всех сторон. Я не знаю меры той радости, друзья мои, какую почувствовал бы я, если бы увидел вас в этих обетованных местах. Я часто мечтаю об этом, но мечты не утешают меня, как других, а только мучат» (10, 359).

IV. Обязательным элементом в состав записей входят зарисовки людей – как отдельных лиц, так и групповых картин; описание одежды, быта, проведения работ и праздников, манеры разговаривать, поведения. В этих записях получила отражение личность Островского-художника, нравоописателя, психолога, мастера жанровых сцен.

Первые наблюдения в Берлине выдают некоторое разочарование Островского: «Женщины ни хороши ни дурны, одеваются плохо, особенно некрасивы шляпки в виде гриба-поганки» (10, 383). Драматург пристально всматривается в лица – его зарисовки разнообразны и живописны. Это может быть жанровая картинка: например, 12/24 апреля он набрасывает сценку в Магдебурге:

В тесном переулке пивная лавочка, куда ходят солдаты, девки кокетничают, как барышни. На главной улице ресторация с толстым хозяином и толстой хозяйкой, которые угощают гостей хорошими кушаньями и отличным рейнвейном (10, 385).

15/27 апреля, посетив Кобленц, он записывает:

Девушки в белых кисейных платьях и в венках (белых) из деланных цветов. У женщин на головах подле косы маленькие серебряные повязки, косы заколоты золочеными ножами вроде разрезных. Продают красные яйца. Ни одного порядочного лица и бедна солдат (10, 388).

Более всего внимание Островского привлекают люди обыкновенные, из низшего или среднего сословия. На страницах дневника в манере быстрых жанровых набросков рождаются картины повседневной жизни Германии, увиденной и услышанной из окна вагона чутким и внимательным русским путешественником. В записи от 13/25 апреля:

В Вольфенбюттеле женщины на полях работают в синих набойчатых платьях и в шляпках наподобие наших детских. На станциях перезванивают, когда отправляется поезд, совершенно как у нас, когда поп идет к вечерне. Из Вольфенбюттеля дорога идет горами, и часто открываются живописные виды. Гендерсгейм – отличная долина, за ней еще долина великолепная. Все: станции, вагоны, дилижансы – убрано гирляндами и лентами синими и желтыми. Жара. В *Геттингене* студенты встречали товарища с радостью; все в зеленых шапочках, вышитых серебром, в обыкновенных сюртуках черных и серых с отложными зелеными воротниками (10, 385).

V. Обращает на себя внимание то, с какой скрупулезностью, часто окрашенной юмором, Островский перечисляет в дневнике цены на еду, одежду, гостиницу, проезд и т.д.:

7/19 апреля [Берлин]. Купил пальто за 12 талеров – очень порядочное. (10, 382); <...> Обедали у Кроля, за 1 талер 10 блюд: 1) суп, 2) сардинки,

3) ветчина с картофелем, 4) форель с картофелем, 5) котлеты с горошком, 6) пуддинг (sic!) с малиновым сиропом, 7) дикая коза, 8) салат и варенье, 9) сыр, 10) бисквиты с кремом. Мы не съели половины (10, 382)¹.

Подобные наблюдения и записи выдают социальный статус путешественника: это представитель разночинной интеллигенции, не избалованный роскошью, привыкший жить своим трудом, а потому знающий счет деньгам и расходам.

Тон дневника и писем путешествия по Германии в целом характеризуется доброжелательностью, открытостью, но не без задора и юмора, свидетельствующих о том, что путешественники не страдают комплексом неполноценности провинциалов в столице. Более того, в письмах Островского к друзьям в Москву порой слышится насмешливость и ирония в отношении к немцам; в этой браваде отчетливо просматривается ответ давнего славянофильского пренебрежения к Европе. В письме к С.С. Кошеверову, П.М. Садовскому и «другим» от 19 апреля, отметив, что в Берлине «много великолепных домов и магазинов», «улицы чисты необыкновенно», «омнибусы – просто роскошь» и прочее, Островский не удержался от иронических интонаций, описывая «русскую баню» в Берлине². Описание «чудес» Европы нередко погружено в атмосферу не только юмора, но и самоиронии, обнаруживающих как чувство уверенности и самодостаточности путешествующих русских, так и самокритику в адрес склонной к загулу русской души. Не случайно, что эти эмоции переполняют письма, а не дневник. Так, описание плавания по Рейну в дневнике носит характер записей протокольного типа с краткой информацией об увиденном:

15/27 апреля [Рейн]. Поутру собрались кататься по Рейну, взяли билеты до Кобленца и сели на пароход «Шиллер». Погода серая. Отправилась в 11 часов утра. Сначала вид неважный; на правом берегу вдали – горы, левый плоский, начинают приближаться. (Рейн цвета зеленого.) С правой стороны

¹ В письме друзьям из Берлина от 19 апреля, «(а по нашему, по православному, 7-е)» Островский перечисляет цены и меню в трактирах, где они завтракали и обедали: «Вот цены: дюжина устриц 15 зильбергршей (около 50 коп. сер.), мы на первый раз съели 7 дюжин; большая чашка бульону 2 ½ зильбергр<ошей> (7 ½ коп.), рюмка бальзаму или допелькюммелю 2 ½ зильберг. (7 ½ коп.). Котлеты и бифштекс из отличнейшей говядины 25 к. сер.; порция; бутылка рейнвейну (Hochheimer), за которую у нас надо заплатить рубль 3, стоит 1 талер» (11, 146).

² «На вывеске значится русская баня, но что это такое – не вдруг разберешь. Самая баня больше похожа на паровой котел, чем на баню. <...> Комнаты, где раздеваются, предствляют совершенный госпиталь: вместо скамеек поставлены кровати с матрасами и с несколькими фланелевыми одеялами. Вымоют немца, положат на кровать, спеленают его, дурака, в 5 одеял, так что видно только одно красное рыло, он и лежит полчаса, как мумия. Мы вымылись, но этой операции производить над собой не велели» (11, 146).

идут местности, замечательные своим вином (Хаттенгейм, Иоганнисберг, Рюдесгейм)» (10, 387).

В «послании» же к «любезнейшим друзьям» – актерам в Москву от 16/28 апреля из Майнца Островский воссоздает дух разгульного веселья, присущий русским путешественникам, не потерявшим в Европе, а даже сумевшим сохранить свой стиль жизни, столь характерный для московской разночинной интеллигенции, группировавшейся вокруг «молодой редакции» «Москвитянина» в 1850-е гг.:

Случай вместо Дрездена закинул нас на Рейн, а мы воспользовались случаем, да и поехали по Рейну на пароходе. Вы только посудите, мимо каких мест мы ехали! Мимо Гохгейма, тут вино гохгеймер, мимо Рюдесгейма – вино рюдесгеймер, мимо Иоганнисберга – вино иоганнисбергер, а там Маркобрунн – вино маркобруннер: как было не выпить! Вот мы и выпили рейнвейну и сложили по этому случаю песню, которую вам скоро пришлем. <...> Здесь уже совсем лето, все цветет и по улицам продают ландыши (11, 148)¹.

Островский и его друзья не чувствуют себя одиночками. Но среди множества русских путешественников по Германии они выбирали «своих» – тянулись к творческой разночинной интеллигенции. В Дрездене (запись от 17/29 апреля) Островский познакомился с Галаховым (сыном): «<...> пили много шампанского. Как было не вспомнить Добролюбова!» (10, 389).

Позиция Островского и тон дневника резко меняются, когда путешественники, перевалив Альпы, оказались в Италии. Исчезает даже намек на амбициозность или возможность критических замечаний. Чрезвычайно характерно первое упоминание об Италии: «С гор спускались мы ночью, вдруг блеснуло перед нами Адриатическое море, и загорелись вдалеке огни Триеста. Мы в Италии» (10, 391). По стилю и содержанию оно напоминает описание того мгновения, когда Оленин, толстовский герой повести «Казачи» (1863), увидел горы Кавказа, так поразившие его своим величием и красотой. Торжественно-эпический зачин

¹ В ответ московские друзья А.Н. Островского (а именно Пров Садовский, Яков Пуговкин, Иван Еремеев 2-й, Иван Обухов 1-й, Сергей Кошеверов, Иван Анофриев и Тимофей Сидоров) отправили послание, выдержанное в той же стилистике: «Милейший наш друг, Александр Николаевич! Мы получили от вас два письма, за которые благодарим душевно, потому что мы русские и привыкли ставить душу на первое место. Покорнейше просим вас: описывайте все, что увидите, и утешайте нас несчастных вашими письмами, мы же ничего нового не можем вам написать, все как было, так и есть, а что будет вперед, то вы сами лучше нас знаете! Мы пишем письмо в московском трактире и пьем ваше слишком драгоценное для нас здоровье» (А.Н. Островский. Литературное наследство: Новые материалы и исследования. Кн. I. М., 1974. С 381–382).

² Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) умер 17 ноября 1861 г.

у Островского выдает его великие ожидания, которые, как выяснилось далее, не только осуществились, но превзошли воображаемое.

Здесь следует сказать, что образ Италии, существовавший в сознании Островского еще до встречи с ней, явно навеян итальянскими мотивами творчества Пушкина. Письмо Островского из Одессы (за два года до заграничного путешествия) от 27 июня 1860 г. открывается строфой из главы VIII «Евгения Онегина»:

Любезнейшие друзья! Пров Михайлович и Сергей Семенович.
Живу теперь в Одессе пыльной,
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса:
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын Египетской земли,
Корсар в отставке...

Так писал Пушкин с лишком 30 лет тому назад» (11, 116–117).

В этом же письме из Одессы, вторя Пушкину – «<...> язык Италии златой / Звучит по улице веселой», Островский восклицает: «А какие стройные и красивые женщины гуляют по этому бульвару; и повсюду слышен благородный итальянский язык» (11, 117). Пушкинский образ «Италии златой» оказался доминантным в восприятии Италии Островским. Показательна уже первая запись, сделанная на итальянской земле:

22 апреля/4 мая. Воскресенье. Италия. Триест.

Триест. Совершенно другая природа. Германия с своим климатом осталась за горами; воздух чище, море бирюзовое. Были в греческой церкви у обедни; служба – наша, особенный, очень приятный напев «Христос воскрес». Восхитительная кофейная, темная, прохладная, вся в зеркалах. Совсем другие женщины, страшная чернота волос и глаз, очень грудасты. Костюмы разнообразны. С мола ловят рыбу (бычков), в закидку, без удилица; наживка из раковин. Мостовая из больших, продолговатых камней, гладкая, как тротуар. По кофейным музыка: итальянец на скрипке, итальянка с гитарой; женщины-крестьянки продают розы. Костюм женщин: юбка, корсет другой материи, белые рукава и манишка, сверх корсета платок, на голове белый платок завязан так, что конец висит на спине (обшит кружевом). Чистота белья нсобыкновенная! У ильрийцев короткие панталоны. Были в Пратере много хороших женщин, красавиц девушек и красавцев мальчиков. Детей красивее я не видал никогда. Акация цветет, груши! уж большие. Какие волосы, какие груди! Встречаются рыжие совсем. Были в театре. *Гармония*,

он нас поразили своей красотой. Тенор сильный, и все голоса подобраны ровно. Давали Отелло. Вот бы нам такого тенора (10, 391–392).

Предметы и аспекты наблюдения те же, что и в Германии, – город, природа, люди, театр, но изменился эмоциональный тон, повысился градус восхищения – и выделенное слово *гармония*, сказанное по поводу итальянского театра, становится постоянным определением практически для всего, что увидел и запечатлел в своем дневнике Островский. Вместе с друзьями он посетил большие города, где останавливался на 2–3 дня: Венеция, Генуя, Милан, Рим, Турин, Флоренция, и только плохая погода не позволила ему попасть в Неаполь. Драматург был потрясен красотой архитектуры, искусством Италии.

Первой на пути была Венеция, или, как он уточняет в первой строчке письма к П.М. Садовскому от 24 апреля / 6 мая: «Венеция. Venezia la Bella (а по-русски Венеция – Красавица)». Этот город произвел на Островского ошеломляющее впечатление. В том же письме он признается: «Это волшебный сон, от которого я еще опомниться не могу» (11, 150). В дневнике от 23 апреля / 5мая и 24 апреля / 6 мая перечислены места паломничества и впечатления:

Ходили на площадь св. Марка и Дожа, на Schiavone лазили на башню смотреть на Венецию; были в храме св. Марка, много похож на наши храмы. Вечером сидели на площади св. Марка. Это громадная зала под открытым небом, в разных местах слышится музыка; из кофейных стулья вынесены на площадь, горит газ, сверху луна. <...> осматривали дворец Дожа. Вот это истинно в этих стенах патриотизм должен был развиваться сильно. После обеда катались по каналу Grande и кругом всей Венеции, были на Риальто и на рынках. Что за молодцы гондольеры! Вечером гуляли опять по площади св. Марка (10, 392–393).

А итогом стало признание: «Я влюбился в эту площадь. Это еще первый город, из которого мне не хочется уехать» (10, 393)¹.

За Венецией последовал Милан. И в письме от 2/14 мая, и в дневнике Островский пишет о чуде Милана, «прекрасного города северной, цветущей Италии», – о Миланском соборе.

¹ Из письма И.Ф. Горбунова С.С. Кошерову из Венеции от 27 апреля 1862 г.: «Дальше ехать некуда! Стоит город посреди моря великого, и в этом городе нет ни мостов, ни тротуаров, как во всяких Христианских городах, а пролита вода по всем улицам и переулкам и ездят по этим улицам на лодках. <...> Вообразите, что здесь каждая баба, каждый работник говорит по-итальянски. Мы думали, думали да и решили: должно быть, здесь такой обычай, давайте и мы по-итальянски. Так и сделали: Александр Николаевич с Шишко заговорили 23 апреля с 7 часов вечера, я начну в пятницу после обеда (Горбунов И.Ф. Сочинения: в 3 т. СПб., 1907. Т. 3. С. 541).

Миланский собор – чудо света. <...> Все, что я видел доселе, было или ожидаемое, или меньше того, чем я ожидал. Миланский собор превзошел все ожидания. После него уже чудес нет на свете.

Впечатление было так велико, что затмило даже встречу с театром La Scala: «Громаден, но Московский богаче» (10, 394).

В Риме Островский пробыл 5 дней. Запись 29 апреля / 11 мая:

В омнибусе мы въехали в Рим, переехали Тибр и остановились в гостинице Минерва. Умылись, причесались и пошли бегать по городу. Ходили по Корсо, обедали в траггории (бывш. belli-arti). Потом поехали смотреть св. Петра. Проехали по мосту, потом мимо св. Ангела и, наконец, выехали на величественную площадь св. Петра. Осмотрели собор мельком: у меня раза два готовы были навернуться слезы. Заехали к Боткину, не застали. Поехали в Колизей. Этого величия описать невозможно (10, 395).

В следующие дни были поездки в Капитолий («Много поражающего, особенно умирающий гладиатор и Венера»), в Ватикан¹ – о чем подробно записано в дневнике. В Риме Островский встречался с В.П. Боткиным², с книгоиздателем К.Т. Солдатенковым³, с русскими художниками, среди которых был упоминаемый в письме С.П. Постников⁴, посетил Тиволи¹.

¹ «Отправились в Ватикан, видели перлы живописи: ложи Рафаэля. Преображение – Причащение – Доминикино и другие сокровища. Оттуда к Лепри, обедали с художниками. Поехали в виллу Альбани, где очень много антиков. В церковь S. Maria degli Angeli – величественный, светлый храм, с прекрасною живописью и статуями; по полу проведен зодиак. В термы Диоклетиана – кроме громадных развалин, ничего интересного (на дворе огромные кипарисы Микель Анджело), да к тому же там французская казарма; отсюда в S. Maria Magiore, что-то строят. Замечательна колоннами, взятыми из загородного дворца Адриана. Заезжали в небольшой храм, где показывают столб, к которому был привязан Христос; небольшой столбик из серого камня, полированный, вот такой формы (в рукописи – рисунок А.Н. Островского. – Э.Ж., И.К.). Были в S. Giovanni di Laterano. Величественный храм со многими замечательными скульптурными произведениями: алтарь Торлопи, еще более замечателен алтарь Корсики, внизу которого группа Бернини: спаситель и божия мать. Были в церкви S. Scala – в ней высокая деревянная лестница, будто бы с Голгофы, по которой ходят на коленях. Были в термах Каракаллы, громадные величественные развалины; ходили наверх. Оттуда заезжали в S. Pietro in vinculis, видели чудо искусства, Моисей Микель Анджело, и внизу Speranza Гвидо Рени. Удивительные глаза. Заезжали в траггорию и потом домой» (10, 396).

² Боткин Василий Петрович (1811–1869), русский писатель, критик, переводчик. Брат его, Михаил Петрович Боткин (1839–1914), художник, академик исторической живописи, проживал в 1858–1863 гг. в Риме; автор портрета С.П. Постникова.

³ Солдатенков Козьма Терентьевич (1818–1901), знаменитый книгоиздатель, владелец художественных галерей.

⁴ Постников Сергей Петрович (1855–1858), русский художник. После окончания Академии художеств провел пять лет (1859–1863) в Риме, откуда привез ряд картин, две из которых – «Прощание Гектора с Андромахой» и «Вакханка с тамбурином» –

В Риме произошло важное событие: драматург прочитал художникам свою пьесу «Козьма Захарыч Минин, Сухорук»². Выбор пьесы был знаковым не только потому, что пьеса была недавно написана, но и потому, что по своему патриотическому пафосу, исторически важной теме она оказалась в полном соответствии с духом великого города.

Флоренция одарила Островского и его спутников подъемом душевных сил. «Нам было как-то особенно весело» (10, 399), – замечает он в дневнике 5/17 мая. После посещения Уффици Островский записывает:

Несказанное богатство художественных произведений подействовало на меня так сильно, что я не нахожу слов для выражения того душевного счастья, которое я чувствовал всем существом моим, проходя эти залы. Чего тут нет! И Рафаэль, и сокровища Тициановой кисти, и Дель Сарто, и древняя скульптура! (10, 399).

Богатство и совершенство шедевров итальянского искусства отодвинули на второй план все события светской и придворной жизни. Так, в Турине, будучи свидетелем всеобщего волнения в связи с приездом короля, Островский, зорко и внимательно подмечая поведение горожан, остался совершенно индифферентным, поместив сразу после описания этого события упоминание о вкусных грибах:

Вышли на площадь Carlo. Там собирались и строились войска к приезду короля. На площади стояла кавалерия, а по улице вплоть до станции пехота. Площадь и улица были полны народом, балконы тоже, полиции почти до са-

послужили поводом для присуждения художнику звания академика исторической живописи (1863).

¹ «В 7-м часу утра отправились в коляске в Тиволи. По всей дороге цветы, потом в гору оливковой рощей. Тиволи – городок в живописной местности со многими остатками старины. В гостинице (Sivilla) все стены исписаны, много русских надписей. Наверху, в угольной комнате, на окне: князь Василий Максудов, Петр Петрович Семенов – 8 мая 1855. Я был здесь. – Был-то был, да не умел писать. В комнате, которая перед этой, над дверью, под совами, Адлерберг. Который? – Все семейство. – Смотрели виллу д'Эсте; по крутой горе сад с фонтанами и гротами. Отсюда начали путешествие на ослах. Спускались в грот Нептуна и еще ниже, в грот Сирены, были на площадке папы Григория, с которой вся река падает в пропасть. Пересехали по другую сторону ущелья: видели развалины виллы Катутла, часовню, построенную из развалин виллы Горация. С той стороны отличный вид на водопады и на виллу Мецената, из которой теперь сделана фабрика. Спустились с горы, переехали по мосту и были на вилле Адриана. Кабы эту грандиозную постройку хоть немного реставрировать. Тут сели в коляску и в Рим» (10, 397).

² Не исключено, что среди слушателей этого чтения мог быть Степан Александрович Геденов (1816–1878), будущий первый директор Императорского Эрмитажа (1863–1878) и директор Императорских театров (1867–1875). В 1862 г. он был попечителем над находящимися в Риме пансионерами Императорской Академии художеств. Позже, в 1867 г., С.А. Геденов предложит А.Н. Островскому по написанному уже сюжету создать историческую драму «Василиса Мелентьева».

мого приезда короля не было заметно. Только когда по выстрелу узнали, что король едет, полицейские учтиво подвигали народ к тротуару. Король приехал в четверместной коляске, в партикулярном платье. Народ кричал, аплодировал, махал шляпами, с балконов летели розовые листья и букеты. Обедали за столом, ели в первый раз грибы. Еще во Флоренции мы видели в съестной лавке отличные белые грибы, потом видели в Генуе (10, 402).

Бесспорно, Италия великого искусства завладела воображением Островского, но тем знаменательнее для характеристики его эстетики тот факт, что проявление национального своеобразия, красоты он видит в Италии повсюду – не только в знаменитых музеях и площадях, но и в маленьких городах, мелькнувших станциях, видах природы:

Переезжаем *Минчио*. Что за горы! В первый раз в жизни я вижу такой колорит <...> За Гардским озером увидел первые васильки. Прелестные полевые цветы – первую роль играет мак; особенно красив в голубых цветах льна (10, 393).

Островского чрезвычайно интересуют типы, характеры, лица. У него нет идеализации итальянцев, в дневнике встречаются зарисовки разных лиц. Например, запись в Сиене 4/16:

В 5 часов выехали в Сиену. Кондуктор груб и рыло имеет богопротивное, в дилижансе места скверные и тесно. Верст за 10 от Рима с горы отличный вид на Рим. Едем все горами. С нами два итальянца: один дурак, франт, похож на актера Мельникова, другой, черный, загорелый, с глазами Мео, одет бедно, – прост, уныл; его выгнали из Рима, он ругает монахов, палу и полицию и тихо грустит (10, 397); В деревнях женщины совершенно русские, и такие же лавы через речку, как и у нас <...>; Проснулся перед *Торвонери*, где пили кофе в лавочке; хозяин – совершенно наш сельский дьячок (10, 398).

Главное, о чем свидетельствует дневник Островского, – это рожденный увиденным глубочайший интерес к человеку, к жизни уличной толпы, к пульсу города. Вот характерные наброски, сделанные 6/18 и 7/19 мая во Флоренции:

В 6 часов пошли гулять по Lung'Arno, видели аристократическое катанье и почти весь город. Прокатились по Пратеру, потом бродили ночью по городу. Везде жизнь, особенно подле кофейных и в кофейных. Поужинали и сидели до 12 часов в своем номере, слышали по улицам пение и, наконец, хор, очень похожий на нашу песню: «Любит, любит», только запев какой-то странный (10, 399); Особенности Флоренции: шум и крик по улицам, маленькие музыканты, мало хороших женщин и необыкновенная дешевизна соломенных шляп и мозаики (10, 398).

Последние записи в дневнике сделаны 10/22 и 11/23 мая – Островский покидал Италию, дорога из Сузы стала подниматься в альпийские горы:

Мы были между двух слоев облаков, одни под нами зацепились в ущельях, другие над нами; наконец мы были между верхними облаками и месяцем; но это еще не вершина.

11/23 мая. Пятница. На вершину мы приехали, когда уже совсем розовело. Мальчик принес нам маленький букет синих, пахучих аюотиных глазок (10, 402).

Здесь дневник заграничного путешествия Островского обрывается, хотя впереди были еще Франция и Англия. Финальные строки в дневнике прокомментировал в своей работе С.В. Максимов: «Это подношение савояра было последним подарком на память об Италии, столь очаровавшей нашего драматурга, что, по возвращению в отечество, он немедленно приступил к изучению итальянской драматической литературы и подарил свою родную образцовыми переводами с этого языка одной драмы и 3-х комедий»¹.

Таким образом, Италия покорила Островского. Он увидел гений итальянского народа и восхитился им: его искусством, историей, национальной самобытностью, которую с большим вниманием наблюдал и отмечал в современной Италии. Обращение к итальянской драматургии было событием, закономерным в жизни Островского. Но произошло это не сразу, а спустя пять лет. В первые годы, не без влияния впечатлений от заграничного путешествия, и итальянского более всего, Островский отдаст предпочтение большим лиро-эпическим хроникам и Шекспиру (работа над комедией «Укрощение строптивой»). Потребуется время, чтобы выучить итальянский язык, – и тогда на новом взлете творческого вдохновения при создании пьес из современной русской жизни начнется не просто перевод пьес итальянских авторов одна за другой², но творческий взаимообогащающий диалог русской и итальянской драматургической традиции в творчестве А.Н. Островского.

¹ Максимов С.В. Указ. соч. С. 33.

² В список завершённых переводов или только начатых войдут произведения Сенеки (ум. 65), Теренция (ум. 159), Н. Макиавелли (1469–1527), А. Грацини (1503–1583), Р. Кастельвеккио, К. Гольдони (1707–1793), К. Гоцци (1720–1806), П. Джакометти (1816–1882), Т. Чикони, И. Франки, П. Косса (1830–1889).